

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ В РОССИИ И ЕГО ФОРМЫ

Р.Н. Лосев

Для русской философии в XX в. характерно не только революционное движение в социально-политической области, но так же революционное или реформистское движение в области философской. Это движение развивается под знаком «нового религиозного сознания» и строит свою программу в сознательном противопоставлении себя историческому христианству, - оно ждет новых откровений, создает утопию «религиозной общности», в то же время насыщено эсхатологическими ожиданиями. Все это очень сложно и иногда расплывчато, - но я коснусь только философских отражений периода жизни русского общества в прошлом веке. Эти отражения очень многообразны и различны; в то же время они оказались очень плодотворны для развития русской философской мысли, причем основное влияние во всем этом имел В. Соловьев. Не будет преувеличением сказать что поэзия его начала вообще новый период в развитии русской поэзии - его влияние испытали на себе А. Блок и В. Иванов, З. Гиппиус и др. Со всей этой плеядой поэтов наступает действительно новый период в развитии русской поэзии, расцвет русского неоромантизма. Самым типичным его проявлением стал символизм, яркий и смелый, часто затейливый и манерный, - но всегда устремленный к «тайнственным далям», к тому, что глубже рассудочных и рациональных построений. В победоносном его движении было, однако, и много мутного; внимание к мирам иным часто подменялось игрой в мистицизм и переходило в чистое «эстетство». Впрочем, даже в манерных и часто искусственных «взлетах души» слышится в глубине порой живое искание. Очень глубоко засела в поэтическом сознании этого времени мечта Соловьева о «Софии», - не менее задевали острые мысли Розанова о «правде» плоти. Как ни оценивать русский неоромантизм, надо все-таки признать биение в нем пульса приближающейся новой эпохи, раскрытие новых перспектив, уводящих умы и сердца от прежних установок. Очень типичным в этом смысле является и все русское декадентство, с коим связывали впоследствии глубочайший кризис русского «просвещения», кризис позитивизма и полупозитивизма, открытое, часто юродствующее исповедание «тайны бытия». Но русское декадентство все же очень глубоко связано и с эстетическими исканиями и упованиями современности, - и это очень важно, дабы уяснить себе черты подлинного романтизма у «самозародившихся мистиков», как их называл Мережковский. Именно

отсюда выросла идея «нового религиозного сознания», коя связывает Мережковского с Бердяевым, - тенденция отдаться «революционно-мистическим настроениям, коя лежит в глубине «нового революционного сознания», как его движущая сила. Тут, конечно, очень сильна и *антисекулярная установка*, которая в то же время отрывает сознание от «исторического христианства» (как его обычно понимают). Цитирую Бердяева : «люди нового религиозного сознания... хотят связать свою религию со смыслом всемирной истории, хотят религиозно освятить всемирную культуру». Эта антисекулярная установка соединяется, наконец, у них обоих с чувством конца истории – с перенесением центра тяжести в исторической диалектике от прошлого к будущему. Апокалиптические предчувствия, почти всегда расплывчатые, были довольно сильны в то время в разных кругах русского общества, сдерживая оккультные влияния, вливавшиеся в русское декадентство с разных сторон. Все это имело огромное значение. Об этом часто забывают или хотят забыть, но без учета всего, что составляло исходную почву религиозно-философского возрождения, не понять уже и тех чисто философских построений, кои затем вырастали на этой почве; без должной же их оценки сама философия русского общества данного периода кажется ущербной.